

Черный Барсик

Вот говорят: черная кошка перебегает дорогу - будет неприятность, что-то случится... А что может случиться, если ты, скажем, на "Ниве" или на "Волге", путь - равнина и мотор отлично гудит, что? Ничего. Но не торопись уверяться, не торопись. Черная кошка - черная кошка. Народ зря не отметит, зря не определит и не прогнозирует зверя.

Подъезжаю я к дому, в деревне, ну метров сто не доехал, а поперек улицы - черный кот, шагает, на автомобиль не глядит. Я дуданул ему - не глядит. Идет, умный, толстый, упрямый - поперек идет. Ну и шагай, думаю, однако - еще дуданул... А кот даже не обернулся на меня. Перешел улицу и скрылся за елью, и наш, общественный кот, Барсик. Без пятен, черный, а Барсик. И пестрые коты у нас - барсики, хмыри криминальные.

Жена слышит - рулю, к воротам - распахнула, стоит - рулю. А, считай, около дома - канава. Над канавой - бревенчатый мосток, накрытый жестяной сеткой: кати, переправляйся, зажмурься или напевая - мосток сам берет автомобиль и быстро переносит. Ворота распахнуты. Жена у ворот. Еду.

И - газани я случайно, газани, а руль не подправь, не выровни, тут и передком "Нива", корова и корова, как бы мыча и жалуясь, начала опускаться, заваливаться на бок, сел, да крепко сел, бампером. Соседи выскочили - хохочут. Жена за ними - посмеяться, но вовремя одумалась, смейся, а машина, как свинья, уткнулась в грязь и молчит - хорошо ей.

Вылез - подполз под рессоры, подважил доску, отряхнулся, включил, а соседи, человек пять, толкать и жена толкать, рывок - и на свободе. Закрыли ворота. Помолчали. Весело зарулил в канаву и весело из канавы, из ямы родной, привычной, вырулил. А - в лесу окажись? В поле - окажись? Дорог-то нет, мостов-то нет. Может - и лучше. Не дремлем.

Но кот - попутал. Попутал, а сам шляется. Когда чужой черный кот переходит тебе дорогу, да еще строго поперек, а ты, допустим, торопишься на свидание к девушке, зная, что она, кокетливая дура, и минуты тебя ждать не будет, тогда ты этого черного, этого чужого кота готов кирпичом ударить, а? Но даже и когда твоя собственная жена тебя ждет, не подозревая, что ты, игрун, к той девушке спешишь, а кот - на тебе: вальяжно вышагивает?.. Жена, если ты ей бахнешь, мол, чужой кот мне дорогу наперек перешел - вытаращит на тебя совиные злые глаза: - А ты его разве не шабаркнул, ну? Чужого и шабаркнуть в удовольствие.

И куда жене-то спешить? Свидания окончились после свадьбы. Коты же перебегают дорогу крайне редко. Своим котам - не до нас, а чужим котам - других достаточно, кому они перебежать дорогу, коли захотят перебежать, всегда смогут... А вдруг и твоя жена не тебя, халифа городского, ожидает, а, допустим, сельского порядочного мужика, агронома там или пчеловода? Ныне все мы к природе тянемся. В городе-то излаялись, а на природе - простор: ты от жены далеко, а она от тебя еще дальше!..

Но когда свой родной кот перебегает тебе дорогу, да еще и не узнает тебя вроде бы, артист, тогда твое дело - плохо: жена, конечно, не изменит тебе, лопухому, но стружку с тебя, подозревая тебя в чем-то, ей одной лишь известном, снимет и ГАИ тебя на машине остановит: офицеришко, ремнями перехваченный, покобенится, поерничает над тобой, пострашает, придирается к поблекшему номерку начнет, а прошелестит ему твердый новый червонец, он квитанцию скомкает и съест, как на допросе партизан перед гитлеровцами, дабы явочную квартиру не раскрыли эсэсовцы, ткнет себе в прокуренный рот и пятерню, дескать, поезжай, поезжай!..

Перебегает свой кот дорогу - жди подвоха. Но этот, черный кот, и не свой и не чужой, а коллективный, наш поселковый кот, и на нашей улице - единственный, сильный и толковый деревенский кот. Летом его люди ласкают, деликатесничают, а зимою - дом ставнями запечатают и будь здоров, котик! Я же и зимою живу здесь. Подуют ветры - изба моя закачается, как сорока на проводе, а терпит - мороз ее не берет, а пурга и заметает, да ведь наши русские избы тем и хороши: ветер в них долго не задерживается - налегке насквозь выпархивает, а мороз их не удивит - и без мороза в них зябко.

Однако стоит мне появиться на снегу, черный кот, голодный и холодный, принимается жаться к моим ногам, помахать хвостом и звать, звать, закликать меня в мой дом: есть, бедняга, хочет, обогреться ему пора, а брошенный, никем не обласканный и злой. Налью ему супца, картошечки вареной накрошу - благодарный, не отвяжется, урчит и мурлыкает.

Советские ученые странные теории выдвигают: сколько извилин в мозгу кота, сколько извилин в мозгу человека? Понимает ли кот то, что понимает человек? И принимает ли кот то определенное количество сигналов на собственный мозг, какое количество принимает на мозг человек? И кот или человек оперативнее разрешает проблемы философско-бытового характера?

Я им отвечу: смотря какой кот и смотря какой ученый!.. Встречается ученый - ученый, а, глядишь, эгоист высшей марки: набил живот, погладил жену - точка. Трава не расти. Не поможет, не поддержит - закупорит себя в квартире или на даче: сопит в кресле и пучком спецэнергии телевизор включает, обалдуй, а какие трагедии за окном, в мире людском, ему до лампочки. Мещанин!

И еду я на "Ниве" еще, а кот мой, Барсик: перейти - не перейти, перескочить - не перескочить? Замешкался. Засуетился. Меня угадал. Туда и сюда лапами перебирает. Но - пренебрег. Пересек мой путь. Пересек и пригнулся за ветхим забором. Наблюдает. Душа-то в нем не ученая, а нормальная животная душа, без электричества и компьютера. Не академик, переживает...

Коты гораздо постояннее нас. Ветхая твоя калитка, ветхий твой забор, изба твоя ветхая, а кот - твой, к твоей калитке, к твоему забору, в избу твою норовит, а не куда-то! И если бы человек, мы с вами, не возвысились самоуверенно над меньшими братьями, не объявили бы себя сверх умными и сверх порядочными, совесть на земле не пала бы так низко и люди, уверяю вас, не оскотели бы, поскольку, в основном, животные-то приличнее людей, и к нам, людям, снисходительнее нас...

Знала моя жена: я не назначаю девушкам свиданий, не жду их, не томлюсь на минутах страдания, потому жена и взялась, как всегда, воспитывать меня: - Далось тебе рулить, раззяве, да по родной деревне!.. Давеча кот наш, черный сатана, дорогу тебе перебегает, а ты бы три разочка через левое плечо-то плюнь, так нет, ты шею, гусак и гусак, задрал, едешь, на своей проржавелой "Ниве", библикаешь, как ребенок в свисток, нет же тебе трижды плюнуть через левое плечо?..

Жена надела шелковую зеленую кофточку, серую, наверное, модную юбку, а в ладошке держит и повертывает, повертывает дутый стеклянный графин - под цветы поздние,

осенние, срезаемые ею на грядках - флоксы. Повертывает графин моя жена: - Икота пора тебе приласкать. Кот не чужой тебе, у нас, чай, под наблюдением вырос, вынянчили сами. Был бы ты помягче да посмекалистей, кот и дорогу тебе не начал бы переходить. А перешел бы - перешел, но без лихого подвоха перешел он, а ты катись, ничего бы и не приключилось. Кот с добрыми намерениями, по делу идет, али че там?

Я вот, и перейдет мне кот путь, не занервничаю. И седни перешел, как ему тебе перейти, мне он перешел, а ниче!.. - И жена повертывает, повертывает графин, не замечая, как белая туфелька ее, вместе, конечно, с ногою, соскальзывает и соскальзывает в канаву по мелкому гравия и глине. И вдруг жена спохватилась: - Ай, ай! - И неуклюже повизгивая, выронила графин в канаву пониже "Нивы", где накапливается дождевая и колоночная вода, зеленая и серая. Зеленее шелковой кофты и гораздо серее модной юбки.

- Убить тебя мало!.. - вспыхнула она.

- Меня? - улыбнулся я из "Нивы".

- Тебя и твоего кота! - Жена пыталась ухватиться за колесо автомобиля и поймать графин, погружающийся в канаву, пугающую и холодную. Она зябко вскрикивала и тонула, оглядываясь по сторонам, а я, выскоча из кабины, не мог ничем ей пособить, давясь от хохота.

* * *

Наконец жена почти справилась и едва не выдернула графин из канавы, упершись локтем в берег, грязный и разжиженный: - Я удавлю твоего кота! - резко швырнула она мне в лицо. Но художественный графин ее, захлебываясь и булькая, послал пузырьки ей уже со дна канавы.

Жена с утра собралась к подруге - почаявничать. А подруга ее - демократка: в курсе политики и военных снаряжений державы. На митингах орет в народе, а пикетчицей - молчит, как рыба, у метро, но на животе держит жуткий плакат: "Коммунистов - на каторгу, на каторгу и на каторгу!"

Жена планировала успокоить ее, да сама, искупавшись в яме, распсиховалась. У подруги мало ли сплетниц гостит? Самовар огромный - болтай и заваривай чай. Но жена долдонила и долдонила: - Ты сам виноват, сам, гоняешь кота. Зачем водою вчера пытался его облить? Коты воды робеют!.. - Сказала и снова чуть шагнула от калитки, на канаву, на канаву.

А воды не одни кошки робеют. Шагнула еще. Вода-то в канаве ледяная. Кругом родники подземные бьют у нас. Но мутная. И опять жена: - Что за мода у тебя гонять кота? - И опять шагнула. Глянула под ноги: - И-у-ух! - И поползла по краю канавы. Думаете, растерялась? Ни капли. Не поняв момента, начала тонуть, но, гневно вскрикнув, поднялась и освоила русло: - Доволен? А я же не в валенках, а? Ласкал, привечал кота, черного мошенника, ты! Этот хам в день по десять раз мне дорогу переходит, так я из канавы не вылезу! Подари его, хама черного, Домне Ивановне, у нее кошечка вдовствует!..

А я глядел на жену, погрузившуюся по милые плечики в канаву и думал: - Бог есть, есть Бог!.. - Жена, быстро замерзнув, ледяная вода-то там, как маленькая девочка, вскинулась: бери ее. Я вытащил законную супругу на сушу. Вытащил, а черный кот, не обращая на нас внимания, показался на огородной тропе. Жена, мокрая и шальная, всполошилась: - Лови бандита! - Но котов дураков не бывает. Кот вспрыгнул на высокую березу и хищно фыкнул на жену: "Хыш-ш, не заваливайся в канаву добровольно!"

Мои отношения с ним удивительные. Они более гибкие и более глубокие, чем, скажем, с женою или соседом, Жорой, кооператором, торгующим на личную выгоду государственными велосипедами. Покупает их оптом в магазине, а продает по экземпляру, вьетнамцам у порога их общежития. Социализм с человеческим лицом.

- Надо было, тебе говорю, три раза плюнуть через левое плечо и вся махинация развеялась бы, кот не чужой, он не хотел мне и тебе неприятностей.

- Но ты вреднее кота! - горячилась жена. Шелковая зеленая кофточка облегла ее груди и сделалась еще зеленее, чем зеленела до аварии, а серая юбка ее еще посерела и плотнее обтянула бедра жены. Девочка...

Жена принялась нагнетать атмосферу: - Кот порядочнее тебя. Кот сподличал и замер. Вон, глянь за угол Домны Ивановны, кот сидит с ее синеглазой кошечкой, забыл о нас, про меня даже позабыл, негодяй, и мурлыкает ей сказку, а ты с чего в меня впился, клещ? - Я насторожился. Жена, случилось, напала на меня, но без подобных отчаянных оплеух.

- Ищи графин, - приказала она, - и молчи, не то я разденусь и отыщу графин, пусть тебе пристыдят люди, а кот еще тебе не одну свинью подложит! - Я полез в канаву. А жена гордо и независимо удалилась в избу.

Задернув занавески на окнах, жена голою расхаживала по скрипучим половицам и поцокивала зубами. Свежо. Переодеваясь, бранила и угрожала мне и коту. А кот, обнаружил я, кот действительно за углом вилял хвостом возле синеглазой грациозной кошечки. Дружили они с детства. Иногда кошечка появлялась, в теплые дни, у нас во дворе. Кокетничала. А ежели наш кот, Барсик, не выходил - вскакивала с внешней стороны на подоконник и выманивала партнера. Потом они исчезали надолго в огородах, зарослевых и просторных.

К осени на деревню надвигались хмури. Улица опустевала и затаивалась. Кошечку увозила Домна Ивановна в город. Кот скучал и утешал тоску в грустных полях предзимья, дышащих скорой суровостью и неизвестной судьбою. Возле моего жилища скорбно объявлялись брошенные щенки, собаки, черепашки, ужи. Все, разумеется, надеялись на еду, на обогрев, а где взять - хлеб не купишь, а керосин и более того?

И застревал я с черным котом в деревне. Без жены. Хорошо. Ни лая, ни визга. Тишина. "Нива" погромыхивает и движется, погромыхивает и движется. А небо мрачнеет и мрачнеет...

Ночной ливень

Сердиться приказано грозам,

Толкаться над миром, не спать.

Зачем же так долго березам

Опять под дождем озябать.

Я слышу их трепет в окошко.

И ночь голосами полна.

Глазастою, желтою кошкой

Мелькает в просветах луна.

Но мне не мятежно, не грустно,

И скоро я тоже пойму:

Серьезное счастье - искусство

Действительно быть одному.

И я никого не ревную,

Осенних размолвок не жну,

Имея такую родную,

Красивую очень жену.

В былое посмотришь - сурово,

Пусть нету упрека судьбе, -

Я столько людьми обворован,

Пора пожалеть о себе.

Подумать о собственной крыше.

На опыте злой суеты

Я знаю, где прячутся мыши

И где обитают коты...

В бушующем этом просторе

На сто и на тысячу верст

Не сеял я смуту и горе,

По-русски доверчив и прост.

Я вытру поспешные слезы,

Коль жизнь

невзначай омрачит.

Поэтому стонут березы

И сердце отзывно стучит.

Как-то я поделился с женою сокровенными политическими тяжестями на душе: - Жена, - сказал я, - развести бы нам побольше черных котов, ну штук восемь, натренировать бы их пересекать путь министрам, генералам и президентам? Едет министр в "ЗИЛе" приватизировать себе и своей семье или своей любовнице государственную чулочную фабрику, а черный кот - через дорогу, да не спешит, позыркивает на начальника... Струсит ведь, мерзавец, и засомневается.

Или генерал, командовавший расстрелом Дома Советов, грохочет на бэтээре, пушка торчит, снаряды в стволе, а черный кот - через дорогу, и на генерала: "Хыш-ш!" Генерал усатый и кот усатый. У генерала лисий хвост, только запрятанный под китель, и у кота хвост, но собственный. А?..

* * *

Жена заволновалась. Прицелилась в меня бериевским прищуром, но амнистировала, мол, продолжай молотить, продолжай пока. Я и продолжил: - Президент мчится. Автомобиль кованый, чугунный, никакая бомба его не царапнет. Охранная армия, ломая скверы и опрокидывая гаишные будки, устремляется за президентом, верная и гордая. А черный кот - через дорогу?

- Собьют и распечатают под копирку!..

- Нет, струсят, если кот до того успеет им отомстить!..

- Как, чем, при каких обстоятельствах наш кот ихнему президенту отомстит?..

- А залезет в Барвихе на березу под окном, охрана и поперхнет: как это не сработали электронные установки и тагильские танки?.. А кот с березы на Ельцина: "Хыш-ш, киллер!" Сработает...

Жена за градусник: - Приляг-ка, у тебя не температура ли? Ты вроде и не проваливался в канаву, а жар!.. - Кот же, мерзавец, вернувшись от синеглазой кошечки, довольный, терся о щиколотки жены и топорщил на меня сытые генеральские усы.

Иногда кот задумчиво сидел у нас, на обычной рядовой березе, устроив свое холеное тело на рогатке. Оба сучка, бегущие от толстой ветки, подпирали кота сразу под брюхо и под задницу. Сучки тоже объемистые. Коту, вероятно, так было удобно, что на голос моей жены кот даже головы не поворачивал. Лежал, сократовски подремывая. А перед тем как рассориться с моей женою и пересечь мне или ей путь, кот основательно наедался. Готовился и пропадал.

Жена через каждые пятнадцать минут широко размахивала дверь на веранде, высовываясь на крыльцо: - Барсик, Барсик, Барсик, иди ко мне, иди ко мне! Эй, Барсик, Барсик, ешь рыбку, на, ешь!.. - Но Барсик - привет: Барсик спокойно слушал и спокойно пропускал мимо ушей ее угощательные предложения. Почему? А только потому: жена часто срывалась. Заманивала Барсика на веранду, хватала веник и принималась охаживать его за очередные проделки. Особенно охаживала, когда подруги-демократки не было дома. Скука!.. Но кот хитро полеживал на рогатке.

Жена, обжегшись на коте, набрасывалась на меня: - Все вы, мужики, коты, лишь бы вам лежать, насолив кому-нибудь! - Я молчал. А жена возилась, попугивая веником, но охаживать не торопилась, а ограничивалась любознательностью: пыталась подсунуть ладонь под мой живот - на чем я лежу, не на рогатке ли? Хотя и лежу я на диванчике, обшарпанном и смолоду ей известном. Умора.

Сутки сидения на березе кот выдерживал играючи, словно дожидался президента. А на следующий день жена, трогаясь к подруге на политические дискуссии, замечала: черный кот забежал вперед и, не пересекая путь, приветствовал ее на обочине стежки урчанием. У подругиной калитки черный кот окончательно разжалобивал мою жену: топорщил усы, мяукал и обметал ей щиколотки лоснящимся хвостом.

Жена возвращаясь после длительных серьезных переговоров, сообщала: - Котик-то наш помирился, простил тебе твоё хамство, спустился с березы. Ты гляди, уведут, добрый, чистенький, и меня не путает с чужими, как ты, у-у-у!.. - хохотала она, счастливая.

Под зиму мы уехали на Урал, и в Подмосковье, в деревню, вернулись к морозам. Брошенный, худой, к нам буйно попросился кот, Барсик. Лапой как даст по двери, как даст! Ночь. Ветер. Темно. Дождь моросит. Снег, мокрый и липкий, сеется. Фонарь на улице мигнет и с полчаса нету, мигнет и с полчаса нету. Черно кругом. А он лапой как даст, как даст!

Кричу на веранде: - Кто там! - Молчит. Кричу повторно: - Говори, кто там? - Молчит. Рискуя, кричу: - Рубить али миловать? - Топор поднимаю, а дверь, отперев, пинаю по-военному ногою. Тьма. Ночь. Жена. Ветер. А он, бродяга, так нырнул в тепло, меня чуть не уронил, и на диван: "Мяу!"

Обиды в коте не замечаем, а печаль в нем громадная: тощий, длинный, как железная черная авиабомба, и нахолоделый. Молока ему в тарелку налили. Хлеба накрошили. Колбаски, хоть она и двадцать с лишним рублей, но кусочек отрезали. Кот напал на еду, убрал все гладко и опять: "Мяу! Мяу!" - К двери направляется. Террорист.

- А вдруг у него живот заболел? Заболел живот, пожалуйста, выйди, - замечает жена. Но кот в ночи: брызгает огненными зрачками: "Мяу! Мяу!..» Шаг сделает и: "Мяу!..» "Мяу!..» Шаг сделает и: "Мяу!..» Я к нему, он от меня. Я к нему, он от меня. Фонарик прихватил - освещаю, а Барсик от меня, от меня, но трусцой. Интересно?

Перелезли мы с ним через забор, прошлепали по воде, очутились у края улицы и слышим на мусорной свалке, прямо из-под обрезков шифера и жести, щенок поскуливает. Поскуливает и подвывает, поскуливает и подвывает. Хозяин лето побаловался им, а на зиму вышвырнул, вот и скулит щенок. Сиротка.

Навожу луч. А щенок трясется, рыжий, шея белая, лапки рыжие, а пальцы на лапках белые, ушки рыжие, а кончики на ушках белые - красавец. А черный кот, Барсик наш сердобольный, обратно перелезает через забор и меня увлекает: "Мяу!", "Мяу!" Но уже мирно, без паники и невроза.

Еще, рядом, в тарелку налили молока, накрошили хлеба, а кот крутится возле рыжего щенка и двигает его, дурака мокрого, двигает к тарелке. Щенок уловил идею и принялся лакать, ничего не замечая, лакал, как пел, долго, шумно, а потом: "Гаф!", "Гаф!", "Гаф!" Бас у щенка боночочный, как у Жоры, шабра и плута, на которого я ошибочно и наорал у двери: "Кто там?.."

Но вместо Жоры - черный кот, Барсик. Да товарищеский какой, едва устроился, за

щенком утянул меня, а он же, он, черный, улицу пересекал наперек. Моя "Нива" и моя жена, обе, провалились в канаву. Но черный кот добрый: его давно, давно предал хозяин, по слухам, Жора, а он щенка спасать, его из дома вытурил Жора, а он щенка в наш дом пригласил.

Я и размышляю: серый кот, пегий, желтый - обыкновенные коты. А к черному приросла молва, языческий обычай прирос. Кот и за пазухой не держит камень на тебя, а ты, дескать, черный кот дорогу пересек, пропал я теперь?.. Эх, мы не мудрее кота. Кот нас мудрее. Но и заноситься нет причин: обычаи, приметы, предчувствия - дело проверенное веками, поколениями. Уважай.

Перезимовали у нас кот и щенок. Кот округлился, заматерел снова. Щенок похорошел. Сильный, юркий. Васек. Гуляют вместе. Едят вместе. Спят вместе. Лето, туда и сюда, перепрыгивают улицу, валяются на траве, меня провожают, встречают на дороге, поперек улицы, вдоль улицы и - ничего. "Нива" работает, не заруливаю в канаву...

И жена остепенилась, предупреждает, но без агрессии: - Береги щенка, у него ни отца, ни матери, и кота, Барсика, по мелочам не травмируй, он, разве не видишь, намного тебя человечнее, да и насчет извилин - неизвестно, у кого их побольше!..

1984-1993